

КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОВОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ ОРЕНБУРЖЬЯ)

Языковая ситуация Оренбуржья характеризуется не только распространением на одной территории огромного количества языков, но и многообразием форм существования русского языка, доминирующего по количеству говорящих на нем. Русский язык на территории Оренбургской области представлен литературным языком, диалектами, просторечием, а также профессиональными и социальными жаргонами, соотносимыми с элитарной, народной, промежуточной культурами и профессиональными субкультурами [4]. Наиболее ярко в Оренбургской области представлена народная культура, которая по своей сути диалектна. Еще в первой половине XIX в. в Оренбуржье проживали переселенцы из двадцати губерний России. В результате переселения огромной массы людей в Оренбургскую губернию были перенесены самые разнообразные русские говоры. Исторически сложилось, что наша область в диалектном отношении стала уникальным заповедником разнообразнейших говоров – здесь представлены говоры северного и южного наречий, а также среднерусские.

Пристальное изучение языковой личности носителя диалекта значимо для сохранения прошлого, которое предстает как опора для настоящего и будущего языка: «В языковом материале, унаследованном от старших поколений, заложены в виде возможностей и линии речевого поведения будущих поколений, наследников этого сокровища» (Л.В. Щерба). Нами предпринята попытка описать не просто фонетические и грамматические особенности диалектов Оренбуржья (поскольку они были пристально изучены в середине – второй половине XX века Б.А. Моисеевым), а когнитивные особенности. Объектом описания становится диалектная картина мира, которая рассматривается как система традиционно-народных представлений о мире, имеющая нечеткий, во многом эклектический характер, отраженная в совокупности территориальных коммуникативных средств.

Нами исследованы пространственно-временные представления диалектоносителей разных районов Оренбургской области, представления о ребенке, а также религиозные представления. Остановимся подробно на особенностях лексического воплощения времени и пространства.

Время и пространство – фундаментальные категории философии, естествознания, социологии, физики и других наук; категории, составляющие своеобразную «систему координат» (А.Я. Гуревич), сквозь призму которой люди разных культур воспринимают мир.

В процессе постижения времени в сознании человека складывается концептуальная модель времени (человек живет в разных временах – астрономическом, историческом, возрастном, сакральном, профаном), представляющая собой базовую когнитивную структуру, нашедшую отображение в языке [2, с. 77–78].

В диалектной, как и в русской общезыковой картине мира, время линейно, одномерно, однонаправлено; оно движется, и движение его непрерывно (Н.Д. Арутюнова). Выделяется прошлое, настоящее и будущее время.

Наиболее интересно представление прошлого времени в диалектной картине мира. Можно условно выделить: историческое и периферийное время (В.А. Маслова, М.И. Стеблин-Каменский). Историческое время – это прошлое, о котором в народной культуре сохранились относительно достоверные сведения: /а коуда пр'и јещ'о' / пр'и цар'е ји'х вы'с'илка была' туда' / фс'е'х н'епоко'рных /; / фс'у' войну' прошло' мојо' д'е'цтво / ма'т' н'е'мцы пов'е'с'ил'и, от'е'ц ч'е'р'еп сн'ало' ужэ кода' захват'и'л'и б'ерл'и'н / вот / а б'ерл'и'н д'ев'а'тово, а на са'мом д'е'л'е јево' ра'н'ило с'емна'цатово, јещ'о' война' шла' / э'тот, как о'н называ'ица, р'ейста'к што' л'и / э'то / он'и' вн'изу' на'шы бы'л'и, а нав'ерху' н'е'мцы / (Александр. район). Время соотносится с конкретным событием; нередко указываются даты, конкретное время, возраст участника событий.

Периферийное время – это прошлое на краю общественной памяти, воспоминания о нем смутны, последовательность и связь событий люди уже плохо представляют: / на на'шъй па'ма'т'и с'ер'а'нк'и д'е'л'л'и /; / ра'н'шъ посты' сабл'уда'л'и / по'ст ше'с' н'ед'е'л' дл'и'лс'а /; / ра'н'шъ ч'а'й н'е п'и'л'и

/ пото́м кода́ йа бол'ша́ ста́ль, к на́м д'а́д'ь пр'ийе́хъл ис Сама́ры и самьва́р пр'ив'о́с / (Беляев район); / рас паха́л йа / смотре́у', л'е́м'их ста́л ч'ил'ину́ д'е́лат' / пош'о́л пьсмотре́е́т', а йе́ть л'е́м'их кот'о́л подд'е́л, а в н'о́м д'е́нг'и / (Илек. район).

Прошедшее время чаще выражается, как мы видим из примеров, грамматически. Есть примеры лексического представления, т.е. лексемами с временным значением (приведем примеры только лексических диалектизмов): / анады́с' хад'и́л: ад'и́н страуо́й рыба́ч'ил: ры́ба сп'и́т', о́н как кал'н'е́т' и выта́скьвайа /; / нады́с' на на́с валч'о́к наб'е́х / заб'ежа́л ва дво́р у запло́ту, иуде́ гу́си, и пажрал гу́сей / (Октябрь. район); / вас'е́йкь с'ер'е́дн'ий сы́н пр'иш'о́л / с йи́м'и пь пут'е́ домо́й йе́хат /; / быва́лыч', вм'е́с'т'е жыл'и / быва́лыч', ка́жн'ый д'е́н' ход'и́л'и к йим / (Соль-Илецк. район).

Н.А. Бердяев писал: «Время распадается на прошлое, настоящее и будущее. Но прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее распадается на прошлое и будущее неуловимо...» [1]. Вот также неуловимо настоящее в диалектной картине мира: в анализируемых текстах практически не встречаются лексемы, которые эксплицировали бы настоящее время. Для указания на настоящее время используются лексемы *сейчас*, *теперь* и *нонче* в сочетании с глаголами: / а щ'а́с забыва́еца, э́то уш када́ вы́п'е́ш н'емно́шко и тогда́ уже́ хорошо́ по́жо́ца / (Александр. район); / т'еп'е́р' нага́йк'и отм'ен'и́л'и (Илек. район).

Иногда значение настоящего времени выражается чисто грамматически, глаголами в форме настоящего времени: / по́мн'у, когда́ з ба́бушкой йа йищо́ жыла́ / тогда́, йа н'и зна́йу, наско́л'ко э́то пра́вда / в мои́х мы́сл'ях, дружн'е́й бы́л наро́т / (Александр. район); / ч'о́ сказа́т'-то / живу́ / с'ижу́ / во́т / д'е́н' на д'ива́н'е, но́ч' на крова́т'и / ч'о́ жы т'еп'е́р' д'е́лот'-то пу́ту / гла́с н'и ви́д'ит / софс'е́м / (Тюльган. район). В этих примерах явно видна оппозиция: настоящее – прошедшее. В диалектной картине мира настоящее не существует без соотношения с прошлым.

Несмотря на то, что будущее время для русского человека всегда было более значимым, чем настоящее и прошедшее: человек всегда думал о завтрашнем дне, о будущем страны и даже вселенной (особенно ярко это представлено в русской философии), в диалектной картине мира,

репрезентованной в речи диалектоносителей Оренбургской области, экспликантов будущего времени не выявлено.

Значимой для диалектной картины мира, является соотнесенность представлений о времени с важными событиями в жизни человека, т.е. антропоцентричность: / кода́ за́муш выдайу́т, то з'е́ркълъ н'есу́т с ут'ира́л'н'икъм'и (Беляев. район); / фс'а́ жы'з'н' пръшла́ та́к / два́ рьза́ была́ за́мужэм / и два́ ра́с вдъв'е́лъ / ф тр'и́цат' во́с'ъм' л'е́т и п'ът'с'а́т тр'и́ / (Кувандык. район); / ну как свад'бу играл'и / ф субботу пр'ийдут засватајут / в воскр'ес'ен'јь запой зд'елајут / доуговор'ацца / коды свад'ба / договор'ацца / клатк'и скок жжан'иха / шубу шшыт' ал' кошму свал'ат' / (Саракташ. район).

Антропоцентрично в оренбургской диалектной картине мира и пространство. Пространство в русской народной культуре представляет собой горизонтальное движение, однонаправленную бесконечность (вширь, вдаль, «ровнем-гладнем», по Гоголю).

Для русского человека всегда сакральный смысл имело пространство, которое всегда защищало – это жилище. Однако анализ собранных нами материалов в Оренбургской области не дал ни одного подробного описания жилища. Несколько раз отмечается упоминание о доме: / тода айда на дом / топор вз'ал'и, лопату, стал'и копат' / (Илек. район). Из текстов мы узнали, что сколько бы не было в семье человек, все жили в одном доме: / и жы́л'и фс'е́ одно́й с'ем'јо́й / хы́т' с'амна́ццат' ду́ш / н'иково́ не одд'ел'а́л'и / фс'е́ жы́л'и в одно́й ыз'б'е́ / (Саркташ. район). Иногда встречаются описания двора или усадьбы, например: / у нас м'ьлоч'ныйи угороды, там фс'акъ м'ельч' с'еиццъ: лук, р'епъ, угурцы, капуста / ; / маслъ былъ в горшках, а мьлоко ф кубаткъх / у кажнъй хоз'айкъ стойаль ф погр'ьб'ь дъ сьрока кубаткъ / (Сакмар. район).

Поскольку Россия всегда была православной, поэтому жители села часто упоминают в своей речи о святом месте – церкви: / церкаф' строил'и к'ирп'ишнайу и д'ир'в'аннайа была / на церкву кладушк'и (укладка хлеба)... / (Октябрь. район); / ...бал'шайа церкав' была... / (Новосерг. район); / ...пр'ийежжайут ис церкв'и... / ; / ...шл'и ф церкву... / (Красногвард. район).

Большее внимание носители говоров уделяют описанию своего села (деревни): / мы́ д'иржа́л'и мно́гь пт'и́ц / тагда́ д'иржа́л'и ра́зны́јь: инд'ушк' д'иржа́л'и, гус'е́й, у́ткъ / так'и́јь дама́шн'и́јь у́тк'и бы́л'и, н'и ка́к щ'а́с б'е́лы́јь, а дама́шн'и́јь / и в о́пщ'ьм мы́ во́т э́т'их гус'е́й

в'исно'й фс'игда' выган'а'л'и зь с'ило' пасти' / (Александр. район); / ис пос'олкъ на кутора выход'ил'и / кордоны стойал'и, д'ежур'ил'и на н'их, кравул был, ухран'ал'и л'ин'ейку / вокрук пос'олкъ кр'еп' д'елъл'и / н'ьдал'окъ от нас гора Прошшай, высокъ и крута гора, опаснь сйежжат' / (Беляев. район); с подробностями воссоздаются картины природного ландшафта вокруг села (деревни): / мы фс'е оз'оры нъзывам, каждому оз'ьру йес' назван'ийь: Аркадйевъ оз'ьрь; В'азовъ оз'ьрь, там в'аск'и растут, йолх'и / зь В'азовъм оз'ьрьм Донскойъ оз'ьрь, в лугах, околь Уралъ, туда пт'ицу воз'ил'и... / (Беляев. район); / да', пад җаро'й / высо'к'ий вот / са сто'л, нав'е'рна / ис-пад җары' пр'а'м эта' / шыр'ина' тако'й / вада' т'ич'о'т / а тут' вот та'к пл'и'та стои'т / (Октябрь. район); / тут л'аса др'амуч'ии был'и, ушшел'ийи / там гара бал'шайа, а в н'ей п'ешшоръ / (Тоцк. район).

Интересно, что часто пространство определяется как неотъемлемая часть человека, с этой целью оно именуется существительным, называющим хозяина: / сватайут, сход'ут / тады уже будут п'ирават', у н'ив'есты вып'йут / жан'их пр'иход'ит за н'ев'естай / (Красногвард. район); / у шу'рк'и с'ир'е'н' аццв'ила' / а пато'м на нијо' напада'ит како'й-та жу'к / (Октябрь. район).

В речи носителей говоров практически всегда предстает реальное пространство. Это выражается, прежде всего, в употреблении топонимов: / э'то бы'ль в ул'ја'нъфск'и / д'ер'е'вн'а у на'с была' ф'о'дър'ьфкъ / а суда' на'с пр'ив'езла' ба'бушкъ / суда' пр'ије'хълъ фп'ер'о'т хр'о'снъ моја' / а пото'м х хр'о'с'нъ пр'ив'азла' ба'бушкъ / (Кувандык. район); / ја' ш шырлыка' / шарлы'кская райо'на / ну вот та'м фс'е' свай' сабрал'и'с'»; «зд'е'с' н'е'ту э'тава / э'т на'да вон је'хат' ф'т'ул'җа'н / та'м уже' то'жы ма'л'ен'ка / а тут' н'е'т / (Октябрь. район); / снач'а'ль ха'р'къф, б'е'лгръд'ь, ка'м'ьн-падо'лск'ь была' / так'е'јь / а пато'м на'с п'ьр'ьв'ил'и' нъ друг'и' м'иста' / (Сакмар. район). Реальное пространство представляется за счет документальной точности в обозначении расстояний: / хл'е'п за два'цэт' п'а'т' к'ило'м'ьтрьф нъ быка'х воз'ил'и / управл'а'л'и / (Кувандык. район).

Однако пространство не всегда документально и точно, это проявляется в наличии элемента условности, приблизительности: / до'л је'с'т' у на'с та'м како'й-т'ь / ка'к је'д'иш в но'вон'ико'л'ск са жда'нъфк'и / нъзыва'л'и живо' фс'о' вр'е'м'ь ка'м'ьнный до'л / ја' н'и зна'ју, п'ч'иму' мы' живо' нъзыва'л'и ка'м'ьнный до'л / (Александр. район).

В оренбургских говорах противопоставляются представления о пространстве близком или далеком. Чаще всего для различения близкого и далекого пространства используются наречия «здесь», «тут», «там» и другие:

/ та́м адн'и́ л'аса́ у н'ех / (Октябрь. район); / жищ'о́ з'е́с' је́с'т' до́л / ја́ н'и
зна́ју пр'им'е́рнъ, гд'е́ о́н нахо́д'ицъ / но по́мн'у хърашо́, што́ живо́
нъзва́јут штаны́ / о́н та́к ръспало́жън, што́ в в'и́д'ь штано́ф /
(Александр. район); / а з'д'е́с' во́т н'е в'а́жут плотк'и́ / а ја́ в'аза́ла / ф
ч'еб'ен'ка́х, в сакма́рск'е в'а́жут, а ту́т н'е в'а́жут / (Александр. район).

В связи с этим значимой для носителей говоров становится оппозиция «свое пространство – чужое пространство». Для разграничения «своего и чужого» в народной культуре используются притяжательные местоимения: / пр'и́је́хал'и музло́ны н'а на́шу з'е́мл'у / ; / ты́ н'е на сво́е'й з'е́мл'е́ / вот / а пр'и́је́хала на ста́нцыју / кака́ја ра́з'н'ица / ты ж то́жэ тогда музло́нка / (Александр. район); / у на́с в'ьл'икол'е́пнъ инт'ер'е́снъ / в д'ер'е́вн'и / (Кувандык. район) и т.п. Далекое пространство представляется как чужое (отдаленное от родных мест), а близкое как свое (связанное с малой родиной).

Оренбургские говоры тяготеют к репрезентации горизонтального пространства. Только несколько раз отмечается вертикальное пространство, связанное с противопоставлением земной жизни и жизни неземной, т.е. после смерти: «ч'о́ т'еп'е́р' мн'е́ на́до / туда́ бы на́до н'и иду́т, н'и б'иру́т ишо́» (Тюльганск. р-н).

Фрагментарное исследование оренбургской диалектной картины мира показывает, что как любая языковая картина мира, она представляет собой подвижную систему, способствующую адаптации языковой личности (в данном случае личности носителя говоров) к окружающему ее миру и рецепции ею культурно- и территориально маркированного мировидения.

Диалектная картина мира, объективирующая концептуальную картину мира представителей народной культуры, во многом схожа с общеязыковой картиной мира. Общеязыковая картина мира в истории языка и человечества постепенно складывалась на основе обработки диалектной (исторический факт – литературный язык русской нации постепенно формируется на базе московского койне); диалектная картина мира остается практически в неизменном виде, хотя на сегодняшний день многие ее фрагменты видоизменяются, поскольку каналы обновления информации в сознании носителей народной культуры те же, что и у носителей других культурных и языковых страт (система образования, средства массовой информации и коммуникации и т.д.).

Необходимо отметить, что оренбургская диалектная картина мира по составу лексических воплощений отдельных ее фрагментов схожа с диалектными картинами мира других областей РФ. Это связано с тем, что Оренбургская область является территорией позднего заселения; в ней представлены фрагменты других диалектных картин мира, носители которых в определенный временной отрезок приехали в нашу область. Архивные источники свидетельствуют, что Оренбургская область заселялась неравномерно (в разные исторические промежутки XIX и XX веков образовывались села и деревни переселенцев из других областей), что обуславливает различия в наборе лексических воплощений одних и тех же представлений в речи жителей даже соседних населенных пунктов.

Перспективным в исследовании оренбургской диалектной картины мира считаем более глубокое изучение лексических воплощений представлений о человеке, о его внешности и внутреннем мире.

Литература:

1. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // Вопросы философии. – 1990. – № 2.
2. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008.
3. Моисеев, Б.А. Хрестоматия оренбургских говоров / Б.А. Моисеев. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004.
4. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М., 1995.